

DOI 10.25799/NI.2022.70.36.001

УДК 340.12

ББК 67.404

Эволюция метода гражданско-правового регулирования в России

А.Я. Рыженков,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права и процесса
Калмыцкого государственного университета
Россия, Элиста
4077778@list.ru

Статья посвящена методу гражданско-правового регулирования. Отмечается, что анализ действующего гражданского законодательства, включая серию изменений, которые оно претерпело с 2008 года по настоящее время, позволяет выдвинуть следующую общую гипотезу: гражданско-правовое регулирование переходит от метода диспозитивности к новому методу, который можно условно именовать континуально-комбинаторным. Первая особенность нового способа регулирования заключается в том, что он не конкретизирует содержание прав и обязанностей субъектов, что приводит к неопределенности в их понимании. Размываются традиционные модели правового воздействия в виде обязываний, дозволений и запретов, уступая место общим описательным конструкциям, порождающим эффект континуальности. Вторая особенность: гражданское право не имеет уже ярко выраженной собственной парадигмы воздействия на общественные отношения, а востребует скорее универсальные приемы регулирования, свойственные всем отраслям права, а именно комбинаторный принцип построения правовых норм, где элементы публичного и частного права, императивного и диспозитивного начал соседствуют друг с другом, исходя из прагматических потребностей.

Ключевые слова: метод, регулирование, императивность, диспозитивность, континуальность, комбинаторность.

В современной юридической литературе в очередной раз с новой силой проявляется неудовлетворенность состоянием системы российского права — как в ее теоретическом осмыслении, так и в практическом развитии. Примером может служить позиция Т.Н. Радько и А.А. Головиной, выраженная в статье «Современная системно-правовая теория: новый этап развития или методологический кризис?». Авторы обращают особое внимание на меняющиеся представления о понятии отрасли права, которые «фактически размывают сложившиеся к ней подходы, обосновывают существование все новых и новых отраслей права и бесконечно умножают их число, что по существу обесценивает значение категории «отрасль права» [11, с. 34].

С нашей точки зрения, авторы несколько поспешно отождествляют две идеи: «количественный рост» и «обесценивание». Ценность отрасли права и как объективного явления, и как доктринальной конструкции носит не самодостаточный, а сугубо инструментальный характер: так или иначе, она служит для того, чтобы структурировать фактически имеющийся нормативный материал. В условиях, когда увеличивается сам объем создаваемых правовых предписаний, в отношении отраслевого деления возможны две основные стратегии. Можно избрать путь формирования «мегаотраслей» права, сохраняя неизменной их численность при соответствующем нарастании размера каждой из них. Но вполне возможно и другое решение: стремиться к компактности

отраслей права, что потребует их дробления на части.

Вместе с тем более убедительно звучит другое критическое замечание: «Бесконечные и ускоренные попытки конструирования все новых и новых отраслей права могут привести в конечном счете к утрате смысла и значения такого правового явления, как отрасль права, поскольку отраслью права можно будет называть любую группу норм права» [11, с. 35]. Иначе говоря, в данном случае речь идет уже не о количественном, а о качественном обесценивании: если критерии отраслевого деления будут становиться все менее определенными, то и оно само начнет терять свою функциональность.

Разумеется, «не следует бесконечно “дробить” целостную систему на части лишь потому, что какая-то группа общественных отношений стала развиваться в правовом контексте активнее остальных» [9, с. 50].

Идея метода правового регулирования традиционно занимает одно из ведущих мест в опыте осмысления гражданского права как самостоятельной отрасли, его специфики и содержания, прежде всего, в отечественной цивилистической традиции.

В классическом исследовании В.Ф. Яковлева, которое сохраняет свое влияние в науке гражданского права до сегодняшнего дня и может считаться квинтэссенцией представлений о методе правового регулирования в целом, дается следующее определение: «Гражданско-правовой метод — способ воздействия

на отношения, который является дозволительным, характеризуется наделением субъектов на началах их юридического равенства способностью к правообладанию, диспозитивностью и инициативой, обеспечивает установление правоотношений на основе правовой самостоятельности сторон» [16, с. 69].

Если предельно кратко представить концепцию гражданско-правового метода, сложившуюся в советское время и наиболее распространенную до сих пор, то ее, как представляется, можно свести к двум принципиально важным положениям:

1) гражданское право обладает собственным, свойственным именно ему, методом воздействия на общественные отношения, который выступает одним из основных критериев конституирования этой отрасли права;

2) суть метода гражданско-правового регулирования выражается в категории диспозитивности, которая предполагает также горизонтальный характер связей между субъектами правоотношений, свободу их волеизъявления и приоритет частных интересов.

Метод правового регулирования — это сугубо доктринальная конструкция, не имеющая официального нормативного закрепления, в отличие, например, от предмета гражданского права, получившего легальное отражение в ст. 2 Гражданского кодекса РФ «Отношения, регулируемые гражданским законодательством».

В связи с этим эволюция метода правового регулирования — это и изменение самих приемов воздействия, используемых законодателем и иными властными субъектами, но в равной степени и пересмотр теоретических моделей, принятых в цивилистической науке.

Казалось бы, разграничение предмета и метода гражданско-правового регулирования не должно представлять особых трудностей, коль скоро в одном случае речь идет о свойствах общественных отношений, а в другом — о способах воздействия на них.

Однако проблема заключается в том, что гражданско-правовые отношения предстают, как правило, уже в слиянии их социально-экономического содержания и формально-юридического выражения, в результате чего различить признаки их предмета и метода оказывается не так уж просто. Например, такое смешение можно обнаружить в позиции О.В. Зайцева относительно отраслевого деления: «Сам законодатель в качестве основы такого деления указывает на метод как на главный элемент разграничения, указывая в ст. 2 ГК РФ на равенство, автономию воли и имущественную самостоятельность участников гражданских правоотношений» [5, с. 47].

Из перечисленных признаков равенство может относиться как к предмету, так и к методу регулирования, в зависимости от того, было ли оно присуще соответствующим имущественным отношениям объективно или же возникло как результат воздействия правовых норм.

Что касается автономии воли, то она является характеристикой субъекта гражданско-правовых отношений, и лишь с трудом можно представить себе, что автономия воли обретается им вследствие гражданско-правового регулирования. О.В. Зайцев раскрывает автономию воли как «отсутствие давления и принуждения со стороны иных субъектов на процесс формирования воли лица, его зависимость лишь от понимания и признания собственных потребностей и возможности их удовлетворения гражданско-правовыми средствами» [5, с. 48]. Однако очевидно, что «отсутствие давления» никак не может быть методом правового регулирования, который предполагает наличие, а не отсутствие воздействия; что касается остальных элементов автономии воли, то они определяются индивидуальными качествами лица и социально-экономическими факторами, но лишь в самой минимальной степени могут достигаться при помощи правовых средств.

То же самое касается признака имущественной самостоятельности: «Ее отсутствие приводит к невозможности лица отвечать по гражданско-правовым обязательствам, использовать механизмы обеспечения тех или иных обязательств. Без имущественной обособленности, реализуемой в гражданском праве на основе вещных прав, невозможно реальное (не фиктивное) участие в гражданских правоотношениях» [5, с. 48].

Однако едва ли справедливо отнесение имущественной самостоятельности к методу, а не к предмету гражданского права, поскольку невозможно путем правового регулирования сделать имущественно самостоятельным то лицо, которое им не является фактически, по своему социально-экономическому положению.

Таким образом, вопрос о методе гражданско-правового регулирования — это прежде всего вопрос о пределах возможностей гражданского права в его воздействии на общественные отношения.

Следует отметить, что в понимании диспозитивности присутствует некоторая двусмысленность. С одной стороны, диспозитивность может рассматриваться, прежде всего, в качестве определенного способа построения нормы права: «Диспозитивные нормы предоставляют сторонам возможность предусматривать во

взаимоотношениях друг с другом условия, отличные от нормативно закрепленных правил» [7, с. 17]. Но в таком понимании диспозитивность, разумеется, не могла бы претендовать на статус отраслевого метода, поскольку наряду с диспозитивными нормами гражданского права, как известно, содержит значительную долю императивных, в том числе публично-правовых норм.

С другой стороны, предпринимаются попытки придать диспозитивности более широкий смысл, например: «Феномен диспозитивности означает наличие у субъектов правоотношений определенной степени свободы волеизъявления относительно своих прав и обязанностей в пределах, установленных нормой права» [7, с. 18].

Приведенная трактовка страдает другим недостатком — крайней неопределенностью содержания; интерпретируемая таким образом, диспозитивность вообще не дает никакого конкретного ориентира при конструировании гражданско-правовых норм, а ведь именно эту функцию выполняет метод правового регулирования.

Время вносит определенную корректировку и в общие представления о методе правового регулирования, и в то, как они осуществляются на практике. Так, можно встретить все больше и больше аргументов в пользу того, что представление о наличии у каждой отрасли права своего собственного метода правового регулирования нуждается в определенной ревизии.

Например, как отмечает Н.В. Разуваев, «не существует отрасли, для которой был бы характерен лишь один какой-нибудь метод правового регулирования, точно так же как не существует и отрасли, целиком состоящей из норм какой-то одной разновидности — дозволенных, обязывающих или запретительных» [12, с. 36].

Метод правового регулирования, характерный для какой-либо отрасли, инструментален по отношению к ее предмету и поэтому носит, как правило, калейдоскопический характер, включая в себя самые разные сочетания правовых средств: «Метод правового регулирования — это форма, в которую облекается воля законодателя. Форма же определяется целью. Конкретное содержание вида общественных отношений определяет и своеобразие способов юридического воздействия. Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что исследование и выявление методов правового регулирования важно, но не для решения вопросов «самостоятельности» или «несамостоятельности» деления права на отрасли. Метод правового регулирования не является

раз и навсегда данным. Он изменяется в связи с изменением характера отношений и/или целей правового воздействия, определяемых законодателем» [1, с. 4].

Что касается диспозитивности, дозвоительности или равноправия сторон, то современное гражданско-правовое регулирование, не отказываясь официально от этих понятий, настолько широко от них отступает, что уже не позволяет считать их отличительной характеристикой метода данной отрасли.

В этой связи заслуживает критики, например, позиция В.В. Груздева, который утверждает, что необходимо различать два вида защиты: гражданско-правовую и публично-правовую. Поскольку суд использует принудительную силу государства, то он, исполняя свою обязанность перед потерпевшим лицом, осуществляет лишь публично-правовую защиту, но субъектом гражданско-правовой защиты не становится [3, с. 103—106].

Напротив, по нашему убеждению, судебная защита носит гражданско-правовой характер постольку, поскольку она осуществляется на основании действующего гражданского законодательства и закреплена как основной принцип ст. 1 ГК РФ. Но сама необходимость судебной защиты — это публично-правовой по своей природе принцип, поскольку он опирается не на равенство субъектов, а на принудительные властные полномочия суда [14, с. 99].

Полагаем также, что само понятие «диспозитивность» не может достаточно корректно отражать суть какого-либо метода регулирования, потому что, во-первых, в составе этого слова присутствует отрицательная приставка «дис», которая, как известно, в русском языке приравнивается к аналогичным приставкам типа «не-», «без-/бес», что не позволяет выделить сущностный признак метода. Во-вторых, имеют место и смысловые противоречия, выражающиеся в следующих рассуждениях: метод диспозитивности подразумевает вариативность и свободу воли субъектов, однако наряду с этим включает в себя и императивность: «...диспозитивный метод правового регулирования является таковым не потому, что основывается исключительно на применении диспозитивных (дозволенных) норм. В состав диспозитивного метода правового регулирования включены в том числе и императивные (запретительные и обязывающие) правовые нормы, характеризующиеся спецификой их применения в рамках диспозитивного метода правового регулирования...» [8, с. 118].

Часто можно встретить противопоставление двух методов через такие максимы: «Запрещено все, что прямо не разрешено правовыми нормами» (императивный метод) и «разрешено

все, что прямо не запрещено правовыми нормами» (диспозитивный метод) [6; с. 147—153; 13, с. 86—89]. Однако ни одна из этих формул не образует самостоятельного метода правового регулирования и не может в современных условиях быть исходной установкой для целой отрасли права, поэтому сами эти максимы остаются лишь условностями, а отраслевой метод следует рассматривать в какой-то другой плоскости.

Характеристика метода гражданско-правового регулирования должна опираться не на умозрительные представления о различиях частного и публичного права, а прежде всего на анализ конкретного юридического инструментария, и в первую очередь — способов построения гражданско-правовых норм.

Принято считать, что существуют три основных способа регулирования общественных отношений: дозволение, обязывание и запрет.

Но обращение к конкретному законодательному материалу показывает, что в последнее время начинает набирать популярность четвертый способ, который пока не имеет общепринятого названия: норма не запрещает, не требует, не разрешает, а описывает.

Особенность этого, условно говоря, нового способа регулирования заключается в том, что он сам по себе не конкретизирует содержание прав и обязанностей субъектов, что, разумеется, приводит к неопределенности в их понимании.

Типичным примером такой юридической техники являются положения ст. 141.1 «Цифровые права», которая была внесена в состав ГК РФ Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ¹: «Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам» (п. 1 ст. 141.1); «Если иное не предусмотрено законом, обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. В случаях и по основаниям, которые предусмотрены законом, обладателем цифрового права признается иное лицо» (п. 2 ст. 141.1). Эти нормативные положения, хотя в них и используется понятие права в субъективном смысле, сами по себе никаких конкретных прав и обязанностей для кого-либо из участников гражданских правоотношений не создают.

Анализ действующего гражданского законодательства, включая серию изменений, которые оно претерпело в течение последней реформы, позволяет выдвинуть следующую общую гипотезу: гражданско-правовое регулирование переходит от метода диспозитивности к новому методу, который можно условно именовать континуально-комбинаторным. При этом диспозитивность сохраняет свое значение уже не в качестве общего метода, а лишь как один из приемов, используемый наряду с другими.

Континуальный характер гражданско-правового метода выражается в том, что при помощи него не столько осуществляется регулирование отдельных отношений как таковых, как это было принято при императивном и диспозитивном методе, сколько обеспечиваются единство и непрерывность самого правового пространства. «Континуальность предполагает чистую длительность, протяженность без каких-либо промежутков или без выделения объективных минимальных частей» [15, с. 17]. В сфере права понятие континуальности обосновывает, например, В.А. Витушко, полагая, что она проявляется во всеохватности и универсальности правового регулирования, тесной взаимосвязи горизонтальных и вертикальных правоотношений [2, с. 22—23].

При этом данный подход, разумеется, в большей степени наследует диспозитивный, чем императивный метод, и в этом смысле обеспечивается определенная преемственность в развитии гражданского права.

Именно диспозитивность, несмотря на то, что она связывается с большей степенью индивидуальной свободы, часто описывается как некое всепроникающее начало.

Например, Т.Н. Прохорко характеризует диспозитивность как метод, который действует на любого субъекта, даже находящегося вне правоотношений. Неправильно было бы считать, отмечает автор, что «диспозитивность проявляется в присутствии в законодательстве диспозитивных норм... у диспозитивной нормы в отличие от диспозитивности есть свое конкретное содержание... содержание категории диспозитивности намного шире и “богаче”. Это проявляется в том, что диспозитивность действует на любого субъекта в ходе правоотношения, а также вне его, она действует на субъекта, на правоотношение, она действует там, где субъект хочет защитить свое нарушенное право, и там, где он может, но не хочет воспользоваться мерами защиты и т. д.» [10, с. 17].

¹ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 18.03.2019 № 4-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

Общее между методами диспозитивности и континуальности, таким образом, — стремление к тому, чтобы правовое регулирование продолжалось на индивидуальном уровне, за рамками общих принципов и норм.

Континуальный метод, который претендует на всеохватывающий и постоянный режим правового воздействия, стремится вмещать в себя то, что, на первый взгляд, не сочетается, в том числе публично-правовые и частноправовые принципы.

Еще одно сходство континуальности и диспозитивности можно обнаружить в идее гражданско-правового равенства. При характеристике диспозитивного метода одним из главных критериев всегда считается наличие равенства и самостоятельности субъектов правоотношений, которые способны не только подчиняться нормам частного права, но и создавать их своей волей в виде сделок и договоров. Однако этот факт указывает на доступность микроправового регулирования и расширение возможностей юридического воздействия, вследствие чего накапливается большой объем регулирования, который со временем можно типизировать, рассматривая все уровни правового регулирования от законодательного до договорного не разрозненно, а в общей и единой системе.

Комбинаторность гражданско-правового метода состоит в том, что нормативные положения представляют собой вариативное сочетание разнородных элементов.

Сходную идею предлагает В.В. Груздев, когда раскрывает гражданско-правовой метод как систему приемов правонаделения, координации и дифференциации с целью полной реализации гражданской правосубъектности в конкретных правоотношениях [4, с. 74].

В качестве основных составных частей таких комбинаций могут, в частности, выступать следующие.

1. Факт — описание обстоятельства или правила/нормы, которые уже установлены и известны участникам правового регулирования. Например, «бюджетное учреждение отвечает по своим обязательствам всем находящимся у него на праве оперативного управления имуществом».

2. Исключение — указание на то, что не включается в содержание нормы/правила, выходит за пределы правового регулирования или изымается в связи с другими статьями/нормами. В ГК РФ исключения фиксируются словесными оборотами «кроме случаев...», «за исключением...» и т. д.

3. Условность — высказывания, направленные на уточнение тех обстоятельств, при которых правило/норма будет действительно.

Фиксируется через речевые обороты «если...», «в случае, когда...», «пока не...».

4. Возможность — отражает то потенциальное действие или состояние, которое может быть осуществлено. В тексте представлена через словосочетание «может быть».

5. Включение — необходимые дополнительные сведения к норме/правилу. В тексте выражается словосочетаниями «в том числе...», «при этом...»

Таким образом, общая тенденция сводится к тому, что фокус внимания смещается с регулирования отношений на регулирование самого регулирования, т. е. его объектом становится сама форма регулирования, которая претендует на универсальный и всеобщий характер. Если соотнести перечисленные элементы по временной оси, то факт относится к прошлому (то, что уже было установлено когда-то), исключение относится к настоящему времени, возможность и условность — к будущему, включение же относится к тому же времени, что и событие или действие, к которому данное включение привязано. Стоит отметить, что именно поэтому императивные формы, обращенные в будущее, без каких-либо принципиальных затруднений включаются в состав данного метода.

Рассмотрим в качестве примеров несколько вариантов таких комбинаций.

1. Простая комбинация «возможность (“может быть”) + условность (“пока не...”): «Зарегистрированное право может быть оспорено только в судебном порядке. Лицо, указанное в государственном реестре в качестве правообладателя, признается таковым, пока в установленном законом порядке в реестр не внесена запись об ином» (п. 6 ст. 8.1 ГК РФ).

С точки зрения юридической техники здесь налицо сочетание классической управомочивающей нормы и описательного суждения с глаголом «признается» без уточнения разрешающего или обязывающего характера.

2. Сложная комбинация «факт + условность-1 (“в случае, когда”) + условность-2 (“если”): «В случае, когда залогодателем является третье лицо, к отношениям между залогодателем, должником и залогодержателем применяются правила статей 364—367 настоящего Кодекса, если законом или соглашением между соответствующими лицами не предусмотрено иное» (абз. 2 п. 1 ст. 335 ГК РФ).

С точки зрения юридической техники вновь используется лишенный императивности термин «применяются».

3. Сложная комбинация «факт + включение (“в том числе”) + исключения (“за исключением”) + возможность (“может быть”): «Бюджетное учреждение отвечает по своим обяза-

тельствам всем находящимся у него на праве оперативного управления имуществом, в том числе приобретенным за счет доходов, полученных от приносящей доход деятельности, за исключением особо ценного движимого имущества, закрепленного за бюджетным учреждением собственником этого имущества или приобретенного бюджетным учреждением за счет средств, выделенных собственником его имущества, а также недвижимого имущества независимо от того, по каким основаниям оно поступило в оперативное управление бюджетного учреждения и за счет каких средств оно приобретено» (п. 5 ст. 123.22 ГК РФ).

Сложность этой комбинации выражается в том, что она совмещает весь временной диапазон: регулирование через прошлое (установленный факт + включения), настоящее (исключения) и будущее (возможность).

С точки зрения юридической техники интересно сочетание явно императивного содержания нормы с использованием нейтральной констатирующей формулировки («отвечает» вместо подразумеваемого «обязано отвечать»).

4. Сложная комбинация «факт + условность («если») + дополнение («при этом»): «Суд отказывает в удовлетворении требования субъекта гражданского права, указанного в пункте 1 статьи 124 настоящего Кодекса, об истребовании жилого помещения у добросовестного приобретателя, не являющегося таким субъектом гражданского права, во всех случаях, если после выбытия жилого помещения из владения истца истекло три года со дня внесения в государственный реестр записи о праве собственности первого добросовестного приобретателя жилого помещения. При этом бремя доказывания обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности приобретателя, или обстоятельств выбытия жилого помещения из владения истца несет субъект гражданского права, указанный в пункте 1 статьи 124 настоящего Кодекса» (п. 4 ст. 302 ГК РФ).

Итак, основные особенности эволюции гражданско-правового метода регулирования общественных отношений видятся в следующем.

Первая особенность нового способа регулирования заключается в том, что он не конкретизирует содержания прав и обязанностей субъектов, что приводит к неопределенности в их понимании.

Размываются традиционные модели правового воздействия в виде обязываний, дозволений и запретов, уступая место общим описательным конструкциям, порождающим эффект континуальности.

Вторая особенность. Гражданское право не имеет уже ярко выраженной собственной пара-

дигмы воздействия на общественные отношения, а востребует скорее универсальные приемы регулирования, свойственные всем отраслям права, опираясь на комбинаторный принцип построения правовых норм, где элементы публичного и частного права, императивного и диспозитивного начал соседствуют друг с другом, исходя из различных прагматических потребностей.

Третья особенность. Если в императивном и диспозитивном методах заложена идея дискретности, при которой каждая норма воздействует на отдельный случай, на изолированное гражданско-правовое отношение, причем это воздействие осуществляется точно и направлено в будущее время, то в континуально-комбинаторном методе присутствует тенденция к перманентности юридического воздействия, поскольку им охватывается весь процесс правового регулирования через сочетание различных условий, фактов и возможностей.

В свою очередь, практический риск этого метода состоит в возможности механического перебора элементов без общего синтеза и критерия перехода от одного приема к другому.

Четвертая особенность. Диспозитивность как одна из характеристик гражданско-правового метода продолжает существовать и выражать его специфику, однако уже не может считаться его основополагающим качеством, поскольку сфера ее действия ограничивается и функционально дополняется императивностью, причем уже не в порядке исключения, как это представлялось ранее, а в рамках единого гражданско-правового режима.

Список литературы

1. Анисимов, А.П. Обновление отраслевой структуры российского права / А.П. Анисимов, Ю.Ю. Ветютнев, А.А. Мохов, А.Я. Рыженков, А.Е. Черноморец // Новая правовая мысль. 2005. № 2. С. 2—8.
2. Витушко, В.А. Основы континуальной теории права / В.А. Витушко // Российская правовая система в контексте обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2018. С. 19—36.
3. Груздев, В.В. Гражданско-правовая защита имущественных интересов личности. Кн. 1: Общие положения / В.В. Груздев. М.: Юстицинформ, 2012. 192 с.
4. Груздев, В.В. Метод гражданского права / В.В. Груздев. М.: Статут, 2020. 360 с.
5. Зайцев, О.В. Особенности метода гражданского права / О.В. Зайцев // Юридическая мысль. 2017. № 6. С. 47—53.
6. Зайцев, О.В. Расширение пределов применения принципа диспозитивности в сфере гражданско-правового регулирования в контексте реформирования гражданского законодательства / О.В. Зай-

цев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1. С. 147—153.

7. Катомина, В.А. Диспозитивность в юридической доктрине Российской Федерации / В.А. Катомина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4. С. 15—21.

8. Маньковский, И.А. Нормативная модель гражданско-правового регулирования: проблемы формирования, толкования и применения / И.А. Маньковский. Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. 486 с.

9. Милинчук, Д.С. Система права в условиях отраслевой дифференциации / Д.С. Милинчук // Legal Concept = Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 3. С. 47—51.

10. Прохорко, Т.Н. Диспозитивность как принцип российского гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.Н. Прохорко. Краснодар, 2010. 25 с.

11. Радько, Т.Н. Современная системно-правовая теория: новый этап развития или методологический кризис? / Т.Н. Радько, А.А. Головина // Государство и право. 2017. № 2. С. 34—40.

12. Разуваев, Н.В. Правовая система и критерии отраслевой дифференциации права / Н.В. Разуваев // Правоведение. 2002. № 3. С. 31—55.

13. Рыбаков, В.А. О дозвольтельном методе и диспозитивном типе правового регулирования / В.А. Рыбаков // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 86—89.

14. Рыженков, А.Я. Основные начала (принципы) гражданского законодательства и смежных отраслей права / А.Я. Рыженков. М. : Юрлитинформ, 2015. 208 с.

15. Смирнова, Е.В. Дискретность и континуальность времени в рамках современных парадигм / Е.В. Смирнова // Философия и культура. 2017. № 10. С. 12—24.

16. Яковлев, В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В.Ф. Яковлев. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1972. 212 с.

References

1. Anisimov, A.P. Updating the sectoral structure of Russian law / A.P. Anisimov, Yu.Yu. Vetyutnev, A.A. Mokhov, A.Ya. Ryzhenkov, A.E. Chernomorets // New legal thought. 2005. No. 2. P. 2—8.

2. Vitushko, V.A. Fundamentals of the Continuous Theory of Law / V.A. Vitushko // Russian legal system in the context of ensuring human and civil rights and

freedoms. Kurgan: Publishing house of the Kurgan State University, 2018. P. 19—36.

3. Gruzdev, V.V. Civil protection of the property interests of an individual. Book. 1: General provisions / V.V. Gruzdev. M.: Yustitsinform, 2012. 192 p.

4. Gruzdev, V.V. Method of civil law / V.V. Gruzdev. M.: Statut, 2020. 360 p.

5. Zaitsev, O.V. Features of the method of civil law / O.V. Zaitsev // Legal thought. 2017. No. 6. P. 47—53.

6. Zaitsev, O.V. Expanding the Limits of Application of the Dispositive Principle in the Sphere of Civil Law Regulation in the Context of Reforming Civil Legislation / O.V. Zaitsev // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. No. 1. P. 147—153.

7. Katomina, V.A. Dispositiveness in the legal doctrine of the Russian Federation / V.A. Katomina // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020. No. 4. P. 15—21.

8. Mankovsky, I.A. Normative model of civil law regulation: problems of formation, interpretation and application / I.A. Mankovsky. Minsk: Int. un-t "MITSO", 2017. 486 p.

9. Milinchuk, D.S. System of law in the context of industry differentiation / D.S. Milinchuk // Legal Concept = Legal Paradigm. 2020. Vol. 19. No. 3. P. 47—51.

10. Prokhorko, T.N. Dispositiveness as a principle of Russian civil law: author. dis. ... cand. jurid. sciences / T.N. Prokhorko. Krasnodar, 2010. 25 p.

11. Radko, T.N. Modern systemic legal theory: a new stage of development or a methodological crisis? / T.N. Radko, A.A. Golovin // State and Law. 2017. No. 2. P. 34—40.

12. Razuvaev, N.V. Legal system and criteria for branch differentiation of law / N.V. Razuvaev // Jurisprudence. 2002. No. 3. P. 31—55.

13. Rybakov, V.A. On the permissible method and dispositive type of legal regulation / V.A. Rybakov // Legal Science. 2016. No. 4. P. 86—89.

14. Ryzhenkov, A. Ya. Basic principles (principles) of civil legislation and related branches of law / A.Ya. Ryzhenkov. M. : Yurlitinform, 2015. 208 p.

15. Smirnova, E.V. Discreteness and continuity of time in the framework of modern paradigms / E.V. Smirnova // Philosophy and Culture. 2017. No. 10. P. 12—24.

16. Yakovlev, V.F. Civil law method of regulation of public relations / V.F. Yakovlev. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute, 1972. 212 p.

Evolution of the Method of Civil Law Regulation in Russia

Ryzhenkov A.Ia.,
Doct. in Law, Prof.,
Prof. of Dept. of Civil Law and Procedure
at Kalmyk State University
Russia, Elista
4077778@list.ru

The article is devoted to the method of civil law regulation. It is noted that the analysis of the current civil legislation, including a series of changes that it underwent from 2008 until now, allows us to put forward the following general hypothesis: civil law regulation is moving from the method of dispositivity to a new method, which can be conditionally called continuum-combinatorial. First peculiarity of the new method of regulation is that it does not specify the content of the rights and obligations of subjects, which leads to uncertainty in their understanding. Traditional models of legal influence in the form of obligations, permits and prohibitions are being eroded, giving way to general descriptive constructions that generate the effect of continuity. Second peculiarity - civil law no longer has a pronounced paradigm of its own impact on public relations, but rather requires universal methods of regulation that are characteristic of all branches of law, namely, the combinatorial principle of building legal norms, where elements of public and private law, imperative and dispositive principles coexist with each other based on pragmatic needs.

Keywords: method, regulation, imperative, dispositivity, continuity, combinatoricity.